

12. Палінчак М.М. Церковне право. Навчально-методичний посібник. – Ужгород, 2000.
13. Самойленко О.А. Релігійна освіта і виховання в системі світської освіти: проблема взаємодії // Українська полоністика. Вип. 6: Історико-філософські дослідження. – К., 2009.
14. Kaplan, K.: Štát a cirkev v Československu 1948-1953 Brno, 1993. Vnuk, F.: Akcia “K” a “R”. Zásady komunistického režimu proti reholiam v r. 1950-56.- Bratislava, 1995, Vnuk, F.: Pokus o schizmu a iné proticirkevné opatrenia v rokoch 1949-1950. - Bratislava, 1996, Pešek J.: “Katolícká akcia” na Slovensku roku 1949. Historický časopis, 44, 1996, č. 3, s. 444-470.
15. Vuhlasky Ministerstva školstva, mladeze a sportu Slovenskej republiky a Ministerstva zdravotníctva Slovenskej republiky c. 536/1990 Zb. o zriadovaní a činnosti cirkevných škôl.
16. Katolícke noviny. - 141, 1990. - С. 39, S. 3
17. Katolícke noviny. - 106, 1991. - С. 39, S. 7
18. Vuhlasky Ministerstva školstva, mladeze a sportu Slovenskej republiky a Ministerstva zdravotníctva Slovenskej republiky. - С. 571/1990 Zb.
19. Nemeц M. Pravne postavenie a činnosť cirkvi v Slovenskej republike. // Revue cirkevného práva. – 1996. - №. 3. - S. 162
20. Zákon С. 350/1994 Z. z. o systéme základných a stredných škôl.

3.5. Лариса АНДРЕЕВА, Екатерина ЭЛБАКЯН. От Бога ли его Закон? Или как религиозное образование влияет на дехристианизацию массового сознания.

В XX веке Российская империя выступила страной, где законодательно была закреплена государственная религия – православие. Согласно переписи населения 1897 г., численность православных составляла 87,3 млн. человек, или 69,5 % населения (1). Синод РПЦ в отчете за 1902 г. констатировал: «Православный русский народ, по природе глубоко верующий, рассматривает все явления жизни не только семейной и общественной, но и государственной не иначе как в свете веры» (2). »¹ Однако, уже в 1916 г. Синод в определении № 676 признал, что началось массовое отпадение от веры. А еще через год «народ глубоко верующий» предаст свою Церковь и в массе своей с энтузиазмом воспримет коммунистическую идеологию, провозглашавшую религию «опиумом народа», «сердцем бессердечного мира», «духом бездушных порядков», «вздохом угнетенной твари». При этом если «страдальцев за веру были тысячи, то отступников – миллионы» (3).»¹.

С.Н. Булгаков, осмысливая ход революционных событий 1917 г., резюмировал: «Как ни мало было оснований верить грезам о народе-

богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским» (4). »¹. Весной 1917 г. на Марсовом поле в Петрограде состоялись похороны «мучеников свободы», павших в революционные дни. Провожающих было около 900 тыс. «Великий национальный акт свершился без участия Церкви. Ни одного священника, ни одной иконы, ни одной молитвы, ни одного креста! Одна только песня: рабочая “Марсельеза” ... Всего несколько дней тому назад эти тысячи крестьян, солдат, рабочих, которых я вижу проходящими теперь передо мной, не могли пройти мимо малейшей иконы на улице без того, чтобы не остановиться, не снять фуражки и не осенить груди широким крестным знаменем. А какой контраст сегодня?» – писал пораженный посол Франции Морис Палеолог (5).¹.

В «Очерках русской смуты» генерал А. Деникин замечал: «Голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось. Мне невольно приходит на память один эпизод, весьма характерный для тогдашнего настроения военной среды. Один из полков 4-й стрелковой дивизии искусно, любовно, с большим старанием построил возле позиций походную церковь. Первые недели революции ... Демагог-поручик решил, что его рота размещена скверно, а храм – это предрассудок. Поставил самовольно в нем роту, а в алтаре вырыл ровик для... Я не удивляюсь, что в полку нашелся негодяй-офицер, что начальство было терроризировано и молчало. Но почему 2-3 тысячи русских православных людей, воспитанных в мистических формах культа, равнодушно отнеслись к такому осквернению и поруганию святыни?» - задается вопросом генерал и не находит ответа (6).¹.

Как же могло так случиться, что глубоко религиозный народ-богоносец вдруг резко, в одночасье стал не только безразличным к религии или неверующим, но в массе своей воинственно-атеистическим? Ведь подлинная вера не может быть искоренена никакими политическими или социальными механизмами, напротив, трудности социального бытия ее только укрепляют, рождая ощущение защищенности, возможности будущего спасения и Божественного воздаяния. Не последнюю роль в подспудной, ментальной атеизации населения Российской империи играла система образования, практикуемого в дореволюционной России. Она включала в качестве обязательного компонента религиозное образование в церковно-приходских школах, где училось «простанородье», и в гимназиях, реальных училищах, кадетских корпусах, дававших образование, практически, исключительно детям из привилегированных сословий. Закон Божий являлся первым и главным предметом изучения в начальной школе и одним из значимых в средней школе. Религиозное образование в гимназиях и реальных училищах было возложено на священнослужителей или лиц, окончивших духовные

семинарии, преподаванием в церковно-приходских школах могли заниматься и члены причта.

Метаморфозы Закона Божьего в XVIII-XIX вв. В обязанности законоучителя входило руководство домашней, школьной и церковной молитвой детей, внеклассным чтением ими Священного Писания и религиозных книг, их исповедью и причащением, соблюдением церковных правил, благочестивых христианских обычаев и т. д. В состав Закона Божьего как школьного предмета в начальной школе входили катехизис, церковные молитвы, священная история, разъяснение богослужения; в средних учебных заведениях к этому присоединялась история христианской церкви. Первый школьный учебник по данному предмету был составлен Феофаном Прокоповичем и содержал в себе, помимо азбуки и текстов главных молитв, краткий катехизис, излагавший основные догматы и заповеди Церкви, которые Духовный регламент предписывал изучать детям «всех званий».

Устав народных училищ 1786 г. расширил структуру Закона Божьего как школьного предмета, внося в него священную историю. В сенатском указе 1805 г. вновь упоминается только о катехизисе, но с 1828 г. в программу Закона Божия снова входит священная история. Как отмечал известный российский историк Николай Барсов, в целом, в XVIII веке в преподавании Закона Божия нравоучение явно преобладало над учением догматическим: догматы веры изучались лишь настолько, насколько это считалось нужным для нравоучительных выводов; изложение фактов священной истории приурочивалось к указанию на образцы нравственности. Этому принципу соответствовали малый и большой катехизисы митрополита Платона, которые с 1766 г. были учебниками в низших и средних школах; нравоучение было в них ключевым элементом. В 1819 г. Министерство народного просвещения в курс Закона Божьего были введены избранные места из Священного Писания.

На смену катехизисам митрополита Платона в 1823 г. пришли катехизисы митрополита Филарета: «Начатки христианского учения» (краткая св. история и краткий катехизис) и «Пространный христианский катехизис». Оба были до начала 1880-х годов единственными учебниками по катехизису. А в 1830-х гг., помимо Закона Божьего, как дополнение к нему, в школьные программы был введен отдельный предмет «Христианское нравоучение», руководства к которому были составлены протоиереями Воскресенским, Мансветовым, Кочетовым, Маловым и Бажановым.

Оригинальным методом преподавания Закона Божьего пользовался Г.П. Павский - законоучитель наследника цесаревича Александра Николаевича. Он изложен записке на имя В.А. Жуковского и в двух программах, где ключевой является мысль о соответствии преподавания определенным этапам развития ребенка. Жуковский всячески поддерживал позицию Павского, однако она не оказала сколь-либо заметного влияния на принципы преподавания Закона Божьего в Российской Империи. Причиной тому были разногласия между Павским и митрополитом Филаретом. Если изначально основное внимание уделялось нравственно-религиозным аспектам в противовес религиозно-

философским, приоритет которым отдавался лишь в недолгий период правления Екатерины II, то в дальнейшем - в течение XIX века, - победила церковно-догматическая линия, где обязанности христианина трактовались исключительно как обязанности члена Православной Церкви, а православная церковность (изучение праздников, богослужений, молитв - то есть исключительно культово-обрядовой стороны православия) заменила изначальное нравоучение. Катехизис митрополита Филарета оставался основным учебником предмета «Закона Божий», но был существенно упрощен протоиереем И.В. Рождественским. Другим учебником было «Изложение символа веры» А.Н. Муравьева. Учение о христианских обязанностях было исключено из школьной программы с 1851 года. С 1872 г. введены занятия по новозаветной истории и, кратко, по священной географии. В это время появились учебные пособия «Священная история Ветхого и Нового Завета» под руководством М. И. Богословского, «Уроки по православному Катехизису» Г. Титова, «Изложение христианской православной веры» П. А. Смирнова, «Очерк учения христианской веры» И. Заркевича и многие другие (7).^{е1}.

Законоучитель – кто он? Однако авторитет законоучителя, в силу победившей косности и догматизма в преподавании и низкого престижа духовенства как социального сословия, к этому времени был очень невысок.

О низком престиже служителей государственного культа красноречиво свидетельствуют следующие факты: в 1863 г. студентам духовных семинарий разрешили поступать в университеты, и уже к 1875 г. среди студентов университетов страны 46% составляли бывшие семинаристы. В 1879 г., в разгар репрессий, церковное ведомство добилось отмены этого разрешения (8).¹ Не случайно, например, известные революционные демократы второй половины XIX в. Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов были выходцами из семей священников и в юности окончили духовные семинарии. 22% революционных народников 1870-х годов также происходили из духовного сословия, в то время как доля духовенства во всем населении страны в 1870 г. составляла 0,9% (9).¹ Во многом это объясняется тем, что косная система религиозного образования не могла сделать значимым и ценным религиозное мировоззрение, гораздо справедливее и социально оправданнее разночинской интеллигенции казались идеи марксизма и материализма в целом, и более интересными им виделись «земные профессии». Митрополит Вениамин (Федченков) констатировал: «Дух времени проник уже в семьи духовенства: детям их не хотелось идти по “духовной дорожке”, а учиться на “барина” – доктора, инженера, адвоката, но не пастыря. А сюда уже шли по нужде или менее способные семинаристы, которым не было хода в университеты или институты... И этот утек кандидатов в духовенство рос и рос» (10).¹ В отчете за 1911-1912 годы обер-прокурор Синода констатировал: «Очень многие преосвященные отмечают в своих отчетах трудность замещения освобождающихся вакансий богословски-образованными пастырями, объясняемую замечаемым в течение уже целого ряда лет движением

воспитанников духовных семинарий в сторону от пастырства» (11).¹ Так, например, в Пермской епархии процент священников с полным богословским образованием снизился с 80 % до 30 % и часто был ниже, чем в 1905 и 1906 годах (12).¹ Движение «в сторону от пастырства», во многом объясняемое нищенским существованием сельского духовенства, достигало таких размеров, что в Архангельской епархии, из числа окончивших курс семинарии в 1915 году, только один человек принял сан (13).¹ На низкий образовательный уровень даже высших иерархов Православной церкви указывала последняя русская императрица Александра Федоровна: «Я многих знаю, но все они какие-то странные, очень малообразованные» (14).¹

Литературовед и педагог В.А. Десницкий (1878-1958) в брошюре «Церковь и школа» констатировал, что законоучитель «был, в большинстве случаев, фигуркой маленькой и ничтожной, не внушавшей к себе и своему “предмету” никакого уважения, часто подвергавшийся даже злым насмешкам. И отношение к Закону Божию, как обязательному предмету школьного преподавания, со стороны учащихся сплошь и рядом было отрицательным» (15).¹

Закон Божий глазами разных сословий. Неудовлетворительный уровень религиозного образования фиксировался представителями практических всех сословий Российской Империи. Так, 1870-е гг. великий князь Александр Михайлович Романов был еще подростком. Вот как он описывает свое ощущения того времени: «Мы остановились в Москве, чтобы поклониться чудотворной иконе Иверской Божией Матери и мощам Кремлевских святых. <...> Иверская часовня, представлявшая собою старое маленькое здание, была переполнена народом. <...> Тяжелый запах бесчисленных свечей и громкий голос диакона, читавшего молитву, нарушил во мне молитвенное настроение, которое обычно навеивает на посетителей чудотворная икона. Мне казалось невозможным, чтобы Господь Бог мог избрать подобную обстановку для откровения своим чадам святых чудес. Во всей службе не было ничего истинно христианского. Она скорее напоминала мрачное язычество. Боясь, что меня накажут, я притворился, что молюсь, но был уверен, что мой Бог, Бог золотых полей, дремучих лесов и журчащих водопадов, никогда не посетит Иверскую часовню.

Потом мы поехали в Кремль и поклонились мощам святых, почивавших в серебряных раках и окутанных в золотые и серебряные ткани. <...> Я не хочу кощунствовать и еще менее оскорблять чувства верующих православных. Я просто описываю этот эпизод, чтобы показать, какое ужасное впечатление оставил этот средневековый обряд в душе мальчика, искавшего в религии красоты и любви. Со дня моего первого посещения Первопрестольной и в течение последовавших сорока лет я, по крайней мере, несколько сот раз целовал мощи Кремлевских Святых. И каждый раз я не только не испытывал религиозного экстаза, но переживал глубочайшее нравственное страдание. Теперь, когда мне исполнилось шестьдесят пять лет, я глубоко убежден, что нельзя почитать Бога так» (16).¹ Сходные впечатления о законоучителе

вынесла и Великая княгиня Мария Павловна- младшая, но они относятся уже к началу XX века: «Поскольку религиозное обучение играло важную роль в воспитании княжеских отпрысков императорской крови, к нам приставили священника. Это был старик с пожелтевшей бородой, от одежды которого исходил особый затхлый запах. Его взгляды были точно такими же, как у дяди, он был крайний монархист, считавший Бога самодержцем вселенной, а религию отождествлял со строгой системой управления, контролирующей все стороны жизни... И только смерть дяди освободила нас от ненавистного человека, единственная вина которого состояла в том, что он надоедал нам, бубня наставления, строго увязанные с политической иерархией» (17).»¹.

Гимназическое образование. В дореволюционной России Закон Божий являлся одним из главных предметов не только в церковно-приходских школах, но также и в курсе гимназий и реальных училищ. В подавляющей массе воспоминаний гимназистов Закон Божий и его преподавание оставили исключительно негативные воспоминания. Будущий академик Крылов, оставил такие воспоминания о своем преподавателе Закона Божьего, настоятеле собора в Севастополе отце Филарете, который на все вопросы учеников отвечал довольно странно, но неизменно одинаково: «Стань до конца урока в угол на колени, учи, как напечатано, а кто еще будет спрашивать, тому уши надеру» (18). »¹. Архимандрит Сергей (Савельев) писал: «Еще в реальном училище я и многие мои товарищи мучились от скуки на уроках Закона Божьего. Надо же умудриться так преподавать Закон Божий, закон Любви, что у учеников пропадало всякое желание его изучать. И если я, живя восемь месяцев в году вне семьи, среди чужих людей, все-таки сохранил веру, то этим я обязан прежде всего своим незабвенным родителям» (19).¹.

Церковно-приходские школы. Обер-прокурор Синода К. Победоносцев так оценивал религиозную ситуацию среди простого населения: «Наше духовенство мало и редко учит, оно служит в церкви и исполняет требы. Для людей неграмотных Библия не существует, остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат единственным соединительным звеном между отдельным лицом и Церковью. И еще оказывается в иных, глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже в “Отче наш”, повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы» (20).¹. Следовательно, обер-прокурор Синода признавал, что для подавляющего населения страны православие существовало только в обрядовой форме. Следует заметить, что, несмотря на такую удручающую картину, Победоносцев свято верил в то, что «во всех этих невоспитанных умах воздвигнут...неизвестно кем, алтарь Неведомому Богу» (21).¹.

Стремясь переломить наметившуюся тенденцию роста индифферентного отношения населения к православию, правительство усиленно развивало сеть церковно-приходских школ, которые были призваны дать не столько образование, сколько религиозное воспитание. В 1880 году

церковно-приходских школ было 4,4 тыс., а в 1893 г. уже почти 30 тыс. (22).¹ Однако, губернский предводитель московского дворянства заявлял, что «священники в большинстве случаев посредством долбни преподают своим питомцам не веру, а что-то другое» (23).¹ Великая княгиня Мария Павловна так описывала свои впечатления, относящиеся к 1915 году, о церковно-приходской школе в Пскове, где обучались девочки из семей духовенства: «Насколько я могла судить, образование, которое получали девочки в церковно-приходской школе, не соответствовало условиям жизни, в которых они выросли и к которым должны были вернуться. Это была школа-интернат, и в большинстве случаев родители были настолько бедны, что могли забирать своих дочерей домой только на летние каникулы. Таким образом, девочки проводили в школе девять месяцев из двенадцати. В школе существовала строжайшая дисциплина; ученицы много часов проводили в церкви и соблюдали все посты. Изучали они главным образом религию. Никто не прививал им практических навыков. Они умели вышивать, играть на фортепьяно, петь в хоре – и все. Спорт, разумеется, был под запретом. Они носили платья из плотной материи с широкими поясами. Почти все они были бледными, голодными и болезненными. Они возвращались домой к своим прозябающим в нищете семьям, не имея ни здоровья, которое могло бы вдохнуть новую жизнь в это хилое сословие, ни полезных знаний, которые могли бы преобразить деревенскую жизнь» (24).¹

Христианизация или дехристианизация? Попытки, через преподавание Закона Божьего в учебных заведениях Российской Империи, усилить религиозность народа, потерпели крах, ибо результатом подобного преподавания стало равнодушие к религии, открытый атеизм, внецерковные религиозные искания образованной части общества. Этому способствовала «идеологизированность» Закона Божьего: посредством этого предмета детям и подросткам прививались не религиозная вера, а внушалась «православно-религиозная идеология». На III съезде Всероссийского союза учителей в 1906 г. высказывалось мнение о том, что Закон Божий «не подготавливает учеников к жизни, а вытравляет критическое отношение к действительности, уничтожает личность, сеет безнадежность и отчаяние в своих силах, калечит нравственную природу детей, вызывает отвращение к учению. И гасит народное самосознание» (25).¹

Чтобы понять, как произошел кажущийся внезапным массовый отказ населения от многовековой государственной религии, в основе которого лежали процессы секуляризации и дехристианизации, как ее части, необходимо, прежде всего остановиться на самих этих понятиях. Они являются ключевыми для характеристики и описания трансформационных процессов эпохи модерна. Представляется целесообразным следующее определение и разграничение этих категорий. Под секуляризацией понимается ослабление ориентации индивидов, групп и всего общества на сверхъестественные инстанции и силы, что означает отказ от религиозного миропонимания и мироориентации (26).¹ Речь идет о секуляризации на

уровне сознания, на уровне рефлексии и саморефлексии. Согласно определению Брайана Уилсона, данному в 1960-х годах, секуляризация – процесс, в ходе которого религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свою социальную значимость. К 1990-м годам, после долгих споров, устанавливается консенсус относительно понимания секуляризации. Основным значением понятия становится процесс утраты религией своей социальной значимости. Иными словами, речь никоим образом не идет об исчезновении религии как таковой, но лишь о том, что функционирование общества, прошедшего через секуляризацию, не зависит более от религии в определяющей степени. То есть, религия вполне может оставаться значимым явлением для того или иного индивида, однако это не распространяется на общество в целом, независимо от уровня и характера религиозности его граждан (27).¹

Смысл категории «дехристианизация» понимается как отказ от христианского вероучения и культа, от христианского образа повседневной жизни и поведения (28).¹

Процесс дехристианизации может быть составной частью процесса секуляризации, т.е. являться следствием отказа человека на уровне его сознания от ориентации на сверхъестественное. Однако дехристианизация не всегда является следствием секуляризации. Иногда она проявлялась в форме стихийного отпадения от церкви при сохранении сознательной ориентации на сверхъестественное. В начале XX века в России наблюдались оба этих типа дехристианизации, и немалую роль в данном процессе играло религиозное образование, в частности, преподавание Закона Божьего.

Обратившись к ситуации в современной России, заметим, что с 1 сентября 2012 года в четвертых классах появился новый обязательный предмет - культурологический курс «Основы религиозных культур и светской этики», который состоит из шести модулей на выбор – «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской этики». Подавляющее большинство московских семей (74%) выбрало уроки светской этики и интегрированный курс истории мировых религий. В целом, выбор москвичей был следующим: 47% - Основы светской этики; 27% - История мировых религиозных культур; 23% - Основы православной культуры. Чуть более 1% - Основы исламской культуры, чуть менее 1%, соответственно, - Основы иудейской культуры и Основы буддийской культуры.

Большинство преподавателей, которые прошли курсы повышения квалификации в Московском институте открытого образования, являются учителями начальных классов (29).¹

Данные по России в целом таковы: 42% - Основы светской этики; 18% - Основ мировых религиозных культур; 30 % - Основы православной культуры; 9 % - Основы исламской культуры. По 1 %, соответственно, - Основы иудейской культуры и Основы буддийской культуры.

Таким образом, больше половины российских родителей учеников четвертых классов (60 %) выбрали для своих детей предметы, не связанные с какой-либо конфессией.

Несмотря на сложившуюся сегодня ситуацию и уроки российской истории, в статье 91 «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования» проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», одобренного Государственной Думой РФ в первом чтении 17 октября 2012 года, указывается:

«4. К учебно-методическому обеспечению учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, нравственных принципах, исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), а также учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей) в области теологии, привлекаются соответствующие централизованные религиозные организации. <...>

5. <...> Примерные образовательные программы в части учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), обеспечивающих религиозное образование (религиозный компонент), а также примерные образовательные программы, направленные на подготовку служителей и религиозного персонала религиозных организаций, утверждаются соответствующей религиозной организацией (централизованной религиозной организацией).

Учебно-методическое обеспечение указанных учебных курсов, предметов и дисциплин (модулей), а также примерных образовательных программ осуществляется соответствующей религиозной организацией (централизованной религиозной организацией)». Более того, согласно тому же документу, в школах разрешается проводить богослужения, оборудовать культовые здания в учебных заведениях.

Таким образом, оказывается, что в светской школе будет разрешено отправление культа, а определять преподаваемый «духовный предмет», в конечном итоге, будут религиозные организации. Это лишний раз подтверждает, что «духовный предмет», преподаваемый в светской школе, будет носить не культурологический, а конфессиональный характер, постепенно усиливая уже наметившую тенденцию к клерикализации и, соответственно, дехристианизации населения страны.

Самое время задаться вопросом – хотим ли мы, минуя столетие, вновь вернуться к обскурантизму и косности законоучительства, вводя, пусть и под другими названиями, исключительно конфессиональный предмет в светских школах, вместо возможной культурологической или религиоведческо-исторической дисциплины и тем самым поддерживая политику дехристианизации? Наверное, прав был классик немецкой философии Г. Гегель, мысль которого впоследствии воспроизвел К.Маркс, говоря о том, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй - в виде фарса.

Сноски

2. Персиц М.М. Атеизм русского рабочего (1870-1905 гг.). - М., 1965. - С. 23.
3. Русская православная церковь в советское время. - М., 1995. -Кн. 1. - С. 22.
4. Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм. В 2-х т. - М., 1993. - Т. 2. - С. 609.
5. См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. - М., 1991. - С. 292.
6. См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. - 1990. - № 3. - С. 123.
7. Подробнее об этом см.: Барсов Н. Закон Божий // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. - СПб., 1890-1907.
8. См.: Русское православие: вехи истории. - М., 1989. - С. 357.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2-х т т. - СПб., 2003. - Т. 1. - С. 107.
10. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох - М., 1994. - С. 115-116.
11. См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911 – 1912 гг. - СПб., 1913. - С.162.
12. См.: Там же.
13. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 г. - Пг., 1917. - С. 50.
14. Жевахов Н.Д. Воспоминания. В 2-х тт. - СПб., 2007. - Т. 1. - С. 94.
15. Десницкий В.А. (Строев В.) Церковь и школа. - Берлин, 1923. - С. 20 – 21.
16. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. - М., 1991. - С. 35.
17. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. - М., 2004. - С. 53.
18. Наумов Е. Неоправдавшиеся надежды // Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru>.
19. Там же.
20. Победоносцев К.П. Pro et contra. - СПб., 1996. - С. 168.
21. Там же.
22. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840 – 41 по 1890-91.- СПб.,1897. - С. 82.
23. Церковно-Общественный вестник. - № 73.
24. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. - М., 2001. - С. 182.
25. Грехов А.В., Грехова Н.Н. Религиозное обучение в российских учебных заведениях на рубеже XIX-XX веков // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца). Материалы Международной научной конференции. Т. 2. - Киров, 1996. - С. 290-292.

26. Lubbe H. Saekularisierung: Geschichte eines ideenpolitischen Begriffs- Munchen, 1965.-S. 23.

27. См.: Кокс Х. Мирской град. – М., 1995. – С.41.

28. Lehmann H. Sakularisierung, Dechristianisierung, Rechristianisierung im neuzeitlichen Europa: Forschungsperspektiven und Forschungsaufgaben. // Sakularisierung, Dechristianisierung im neuzeitlichen Europa: Bilanz und Perspektiven der Forschung. - Gottingen, 1997.

29. Подробнее см.: 74% московских семей выбрали для своих детей «Основы светской этики» и «Основы мировых религий» // Режим доступа: http://www.newsru.com/religy/10sep2012/religio_school.html

3.6. Алла АРІСТОВА. Мусульманські освітні заклади в Україні.

Актуальність теми дослідження. Одна із істотних особливостей історії ісламу і мусульманської релігійної духовності – культ знань. Іслам виробив зовсім іншу модель співвідношення віри і знання, знань про Бога і знань про Всесвіт, релігії і науки, ніж та, яка була властива християнству (йдеться про те середньовічне християнство, яке іслам застав історично). За кілька століть ця відмінність стане разуючою: ми побачимо Європейську цивілізацію, де церковна влада жорстоко винищувала паростки вільнодумства і науково-думства і мусульманську цивілізацію, де культ знань набув сакрального виміру. Широкий розвиток середньовічної мусульманської культури, науки й мистецтва, який здійснив чималий внесок у розвиток світової наукової думки, постав як втілення мусульманами в життя одного з головних релігійних обов'язків – отримання знань, адже шлях до знання тлумачився в ісламі як шлях до досягнення могутності й милості Всевишнього. «Немає ліпшого вклоніння Аллахові, ніж набуття знань», - буде написано на мактабах і медресе. Вчителі й учні цитуватимуть рядки Корану: «О Господи! Примнож моє знання»! Кожен новий мусульманський правитель – від халіфа до його радників і міністрів – мусив збудувати мечеть, власний мавзолей і... бібліотеку. По сьогодні мусульманські богослови нагадують про те, що Одкровення Аллаха починається зі слова «Читай!» (Не «вір у мене», не «вкорися мені», не «служи мені», а «Читай! В ім'я Господа твого, який сотворив людину зі згустку, читай!»). Підраховано навсіть, що слово «знання» повторяється в Корані 850 разів, а слово «віра» дещо менше – 811. Та головна настанова, яка, за вченням ісламу, століттями раніше давалася й іншим народам Книги; була дана і християнам, й записана пророком Яхья (під таким іменем в ісламі вшановується євангеліст Іван Богослов): «На початку було Слово, а слово в Бога було. І Бог було слово».

Відтак інститут освіти, який покликаний був забезпечувати трансляцію і знань, і релігії в суспільстві, формувати ментальність нової генерації імамів,